российский фонд помощи/www.rusfond.ru

Александр Григорьев
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР «ИНГОССТРАХА»

«В вашей сфере нельзя делать бизнес»

В Москве прошла третья ежегодная всероссийская конференция по благотворительности. Впервые на ней заговорили о необходимости избавляться от благостного отношения к филантропии и об оценке благотворительной деятельности. Правда, дальше самоотчетов дело не зашло — нет оценочных критериев, а профессиональное сообщество еще формируется, пока это разрозненные группы с различными видами на будущее. Что думает об этом непредвзятый человек — крупный топ-менеджер, который, впрочем, и сам, и его компания не чураются филантропии? Генерального директора «Ингосстраха» АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВА расспрашивает руководитель Российского фонда помощи (РФП) ЛЕВ АМБИНДЕР.

● *В 2007 году «Ингосстраху» исполняется 60 лет. Это один из крупнейших страховщиков России и лидеров рынка по объему страховой премии и сумме выплаченного страхового возмещения. Собственные средства российских компаний, входящих в группу «Ингосстрах», превышают 8,3 млрд рублей. «Ингосстрах» входит в список 40 наиболее ценных российских брэндов, составленный международной компанией Interbrand Group, лауреат премий «Золотая саламандра», «Элита российского бизнеса», а также национальной премии Финансового пресс-клуба РФ «Золотой диплом-2006 за информационную прозрачность и безупречную деловую репутацию».*

— Ваша компания вновь, четвертый год подряд, продолжила сотрудничество с РПФ. Спасибо. В 2006 году фонд так удачно разместил ваши $138 тыс. пожертвований, что привлек к спасению больных детей сотни новых читателей „Ъ“ на сумму свыше $1 млн. Вообще, минувший год был на удивление эффективным: объемы сборов в РФП возросли ровно вдвое при том, что бюджет и персонал фонда оставались прежними.

— Это просто объективное, естественное развитие проекта. Информационно вам доверяют, пожертвования идут напрямую больным детишкам — нормально. Но я не считаю, что благотворительность надо как-то специально оценивать, анализировать и что все это вообще надо афишировать. Однажды мы уже говорили с вами об этом (см. „Ъ“ от 31 марта 2006 года.— **„Ъ“**). Есть больные дети, и если их можно вылечить, но нет денег, то надо помогать. А вы хотите оценивать эту помощь? Но это же профанация, опошление. Вот у вас в „Ъ“ была щемящая история о девочке с лейкозом, которая умирала, но врачи считали, что у нее был шанс, и требовались деньги. И многие откликнулись, и мы в том числе, деньги собрали, а она все равно умерла. Ну и что тут обсуждать? Люди сделали все, что могли и должны были сделать, и это было нравственно. Но оценивать их вклад в баллах, в категориях?! Абсурд какой-то. Вот вам мое мнение: я категорический противник таких оценок. Это подмена человеколюбия понятиями бизнеса. А в этой сфере нельзя делать бизнес.

— Но вот вам иная сторона той же, в сущности, проблемы. Благотворители у нас — это ведь не только люди жертвующие, но еще и люди-посредники, собирающие пожертвования и грамотно их вкладывающие. Это уже профессия, у нее и название есть: фандрайзинг. И вот она-то, по-моему, должна подчиняться нормам сродни законам бизнеса. В декабре к нам обратился детский фонд «Виктория» с просьбой «дать сирот-сердечников на миллион». Объявился донор с миллионом рублей и хочет вылечить детей-сирот, трое суток на сбор информации. Мы в РФП с радостью беремся за такие задачки, база-то у нас солидная. Ровно через сорок дней этот фонд сообщает: высокая честь, господа, иметь дело с вами, однако наш донор выбрал других детей. То есть коллеги ярмарку больных сирот устроили?! Разумеется, мы еще месяц назад, поняв, что обещанного миллиона не будет, сами нашли деньги, и все пятеро ребятишек были пролечены. Но меня, признаться, до сих пор трясет.

— Это были отморозки какие-то, у них же другие цели. Разумеется, если это профессия, то должны быть критерии. Вам виднее, но для нас ваши занятия есть спасение людей и ничего более. Коль скоро это следует делать профессионально, то должен заметить: ваша интересная модель тоже ущербна в определенном смысле. Вы не способны на немедленную помощь, вы тратите время на проверки, подготовку к печати, на сбор денег, а дать деньги, бывает, надо мгновенно, пока еще можно спасти ребенка или создать ему жизнь нормальную. Он же мучается невыносимо. Смысл именно в том, чтобы спасти, и вам надо как-то научиться решать эту проблему.

— Читатели „Ъ“ нам пишут о том же. Мы начали регистрацию РФП в качестве благотворительного фонда, и я надеюсь, что вскоре вместе с банковским счетом у нас появится и резерв на «пожарные случаи». Вместе с тем филантропия — это же не только спасение больных детей. «Ингосстрах» вкладывается, к примеру, еще и в развитие культуры и спорта. В этом году компании исполняется 60 лет, и объемы пожертвований возросли?

— Нет, это совершенно не связанные вещи. У нас есть определенный внутренний норматив, который мы готовы отдавать на спасение детей. А дети умирают и в год 59-летия, и в год 61-летия. Понятно, что спасать их надо независимо от годовщин. Что касается вложений в развитие спорта, то тут больше спонсорства. А это, считаю, другой вид деятельности. Компания вкладывает деньги в развитие детского спорта или таких его видов, которые всегда были славой России. Помощь развитию нашего любимого хоккея, волейбола или тенниса мы называем своей бизнес-задачей и, конечно, спонсорством. Вот 27 апреля откроется международный детский турнир «Олимпийские надежды» по хоккею с шайбой. Приедет 128 команд со всей России и зарубежных стран, и я рад, что «Ингосстрах» посильно участвует в этом. А то, что мы делаем с вами,— это святое дело.

Иногда лейкоз возвращается

Володе Дееву нужно поменять костный мозг

Юноше 16 лет. Два года назад он заболел лейкозом и вылечился. Но иногда лейкоз возвращается. Когда лейкоз возвращается, химия больше не помогает, нужна трансплантация костного мозга. Даже если найти деньги, найти донора и сделать трансплантацию, вероятность спасения — 50 на 50. Так вот, лейкоз вернулся.

Володя рассказывает о своей болезни, как будто она — досадное недоразумение. Непонятно, мужественно держится этот юноша или просто легкомысленно. В истории Володиной болезни лежит письмо, написанное односельчанами. Односельчане относятся к Володиной болезни как к страшной беде. Они пытались собрать денег Володе на лечение, но собрали только на одну ампулу дорогого препарата, который используют при пересадке костного мозга, чтобы больной не умер от грибковой инфекции.

Володя рассказывает, что деревня, в которой он жил,— это почти Тула. Володины односельчане пишут, что деревня — это зона радиоактивного заражения после аварии на Чернобыльской АЭС.

Володя рассказывает, что два года назад, вылечившись от лейкоза, купил себе на радостях подержанный мотоцикл. Катался на мотоцикле по деревне. Копался у мотоцикла в моторе, потому что мотоцикл все же был очень подержанный. Володины односельчане ничего про мотоцикл не пишут. Если продать мотоцикл, вырученных денег хватило бы еще на одну ампулу дорогого лекарства, которое используют при пересадке костного мозга.

Володя говорит, что лейкоз у него в крови нашелся тогда, когда семья переехала в Тулу, чтобы Володя мог учиться в техническом лицее на автомеханика. Володя говорит, что автомехаником быть очень интересно. Он говорит, что через два года получит права и станет водить отцовскую «шестерку». Он говорит, что еще год поучится в лицее, а потом не станет учиться дальше. Учиться, говорит Володя, неинтересно, интересно работать. Лучше всего открыть собственную автомастерскую, это значительно выгоднее и значительно интересней, чем работать автомехаником в чужой мастерской. Володя говорит, что через год так и сделает.

На самом деле у него нет никакого года. Односельчане пишут, что Володины родители переехали в Тулу не для того, чтобы мальчик учился в техническом лицее, а потому, что в деревне нет работы. Если бы они не переехали, лейкоз был бы диагностирован слишком поздно и мальчика уже не было бы в живых. Односельчане пишут, что у Володи был брат-близнец, который умер семи лет от роду от лейкоза, который не был вовремя диагностирован. Володина мама говорит, будто второй ее сын умер не от лейкоза, а утонул в реке. Сам Володя ничего не говорит про брата. Когда его спрашивают, есть ли у него братья и сестры, Володя говорит просто, что нет братьев и сестер.

Володя говорит, что у него «поломка». Речь идет о генетической поломке, которая могла произойти оттого, например, что деревня оказалась в зоне радиоактивного загрязнения, а могла — по тысяче других причин. Володин доктор говорит, что генетическая поломка является необходимой, но недостаточной причиной лейкоза, которым болен Володя. Что-то, что превращает поломку в лейкоз, может случиться с ребенком в три года, может в семь, может в четырнадцать.

ПАВЕЛ САМЕРКИН

К своей генетической поломке Володя относится так, как если бы случилось что-то с коробкой передач старенькой отцовской «шестерки»

Володя не понимает, что такое поломка. Говорит, врачи объясняли ему, но он не понимает. К своей генетической поломке Володя относится так, как если бы случилось что-то с коробкой передач старенькой отцовской «шестерки». В прошлый раз, вылечившись от лейкоза, Володя своими руками менял эту коробку передач и поэтому надеется, что врачи так же устранят поломку у него в крови, как он устранил поломку в отцовском автомобиле.

Если продать старый отцовский автомобиль, хватило бы на три ампулы дорогого лекарства, которое используют при пересадке костного мозга. Ни у Володи, ни у его отца, ни у всех Володиных односельчан вместе взятых нет денег не то что на поиск донора костного мозга в Германии, но даже и на лекарства, которые понадобятся, чтобы сделать трансплантацию, если донор будет найден.

Володя говорит, что сейчас ему сделают курс химиотерапии и отпустят домой. Он, наверное, поедет с друзьями на рыбалку с палаткой и лодкой. А потом через месяц приедет в Москву снова, и ему сделают второй курс химиотерапии. И трансплантацию. Володя немного боится трансплантации: от химии тошнит и, стало быть, от трансплантации тошнит еще сильнее.

Володин доктор двумя курсами химии надеется добиться непродолжительной ремиссии. Если к концу второго курса найдется донор костного мозга, у Володи будет шанс выжить.

Володя не любит про это разговаривать. Ему вообще кажется, будто интереснее разговаривать про машины, а не про людей. Можно было бы объяснить Володе, что найти донорский костный мозг труднее, чем найти самую уникальную деталь для самого раритетного автомобиля. Но никто не объясняет.

Говорят — поломка.

Валерий Панюшкин,
специально для Российского фонда помощи

КАК ПОМОЧЬ **ВОЛОДЮ ДЕЕВА МОЖНО СПАСТИ ЗА 848 650 РУБ.**

«Спасти жизнь Володе Дееву можно только трансплантацией ему костного мозга от чужого здорового человека»,— говорит заведующий отделением общей гематологии Российской детской клинической больницы Михаил Масчан. У 16-летнего деревенского паренька из-под Тулы рецидив острого миелобластного лейкоза. Это означает, что, заболев лейкозом, Володя был вылечен, при помощи химиотерапии была достигнута ремиссия. Но прошло несколько месяцев, и болезнь вернулась. Теперь его спасет лишь пересадка. Она состоит в следующем. Донорские стволовые клетки вводят в кровяное русло пациента через катетер. И эти здоровые клетки приживаются в новом организме и заменяют собой больной костный мозг.

Но среди Володиных родственников подходящего человека не нашлось. Был у Володи брат-близнец, но он скончался несколько лет назад. В России пока не существует сколько-нибудь серьезного донорского банка данных. Поэтому уже вошло в традицию искать совместимого донора в мировом регистре. В Германии есть Фонд Морша, у него есть необходимая база. Поиск донора и забор у него стволовых клеток обходится в €15 тыс. (516 450 руб.). Российский фонд помощи давно и успешно взаимодействует с немцами, и под наши гарантии Фонд Морша уже приступил к поиску донора для Володи Деева.

Михаил Масчан считает самым опасным период приживления клеток. Он чреват серьезными опасностями, самая страшная из которых инфекционные осложнения. Чтобы обезопасить Володю, потребуется 11 упаковок противогрибкового препарата «Вифенд» по 30 200 руб. за упаковку (332 200 руб.).

Таким образом, Володю Деева спасут 848 650 руб.

На этот раз у нас не оказалось постоянного партнера, обычно в таких случаях вкладывающего солидную часть стоимости заранее. Поэтому вся надежда только на вас, дорогие друзья. Пожертвования в евро можно отправить прямо в Фонд Морша, а рублевые — московскому поставщику «Вифенда» либо на московскую сберкнижку мамы мальчика Елены Алексеевны Деевой. Все реквизиты есть в фонде.

Экспертная группа
Российского фонда помощи

Из свежей почты

Олег Егоров, 1 год, детский церебральный паралич, спасет курсовое лечение. 150 400 руб.

Просить стыдно и непривычно, и все же пишу вам, ну нет другого выхода. Олег родился семимесячным, задохнувшимся. После искусственной вентиляции легких набирал вес в отделении патологии. Мы лечили сына в клиниках и у частных специалистов в Иванове, но прогресса не было. В мае 2006 года мы получили информацию о передовых методах лечения в Институте медтехнологий (ИМТ). Ездили туда трижды, и после каждого курса происходил положительный сдвиг в психофизическом состоянии малыша. Он стал эмоциональным, живым, даже ходит с поддержкой. Врачи обнадежили: Олег может поправиться! На лечение ушли деньги от продажи бабушкиного дома. Сейчас финансовая ситуация сложная. Я менеджер фирмы, торгующей запчастями, получаю до 10 тыс. руб. и справляюсь с тратами на лекарства и лечение в Иванове. Жена дома с ребенком. На ИМТ денег нет, а курс назначен на март. Прошу помощи! *Алексей Егоров, Ивановская область*

Врач ИМТ Ольга Рымарева (Москва): «Олег поступил с атрофией зрительных нервов, не сидел, не ползал, не реагировал ни на что. После трех курсов начал двигательно и интеллектуально развиваться, пытается говорить. Прерывать лечение ни в коем случае нельзя, это перспективный малыш».

Тимур Бексалиев, 8 месяцев, лимфангиома, спасет срочная операция. 70 тыс. руб.

Внимание! Общество помощи русским детям (США) внесло $1250 (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 37 225 руб.

Четыре месяца назад мы обнаружили у нашего малыша опухоль справа под ушком. Педиатр сказала, ничего страшного, пройдет. Выписала препараты, два месяца ими лечили, а опухоль росла! Напуганные, мы поехали в НИИ педиатрии, там нам велели обратиться к стоматологу. Еще два месяца мы метались в поисках помощи, но везде отказывали: уж очень маленький пациент. Наконец нас отправили к профессору Рогинскому. Он-то и поставил диагноз: лимфангиома околоушной, жевательной и шейной области. Мы в растерянности, операция дорогая. У нашей старшей дочери Альфии (ей 12 лет) с младенчества эписиндром, ее лечение тоже требует постоянных затрат. В последнее время у нее резко упало зрение, теперь лечим и у окулиста. Я в декретном отпуске. Супруг служит в МЧС РФ, жалованье 13 тыс. руб. Умоляю, не откажите! *Эльмира Бексалиева, Московская область*

Руководитель Центра детской челюстно-лицевой хирургии Виталий Рогинский: «Необходима срочная операция. Опухоль проецируется в зоне лицевого нерва, и чем больше она, тем выше риск его повреждения. Прогноз благоприятный».

Ксюша Иванова, 15 лет, грудопоясничный прогрессирующий сколиоз 4-й степени, спасет срочная операция. 185 384 руб.

Постоянная боль в спине, замкнутость оттого, что ты не такая, как все, и вечно в стороне — вот лишь часть испытаний ребенка со сколиозом. А страдания родителей, измученных чувством вины и бессилия, вообще не принимаются в расчет. Легкое нарушение осанки у Ксюши с раннего детства. Росла нормально, плавала, рисовала. А в 12 лет сколиоз стал так бурно развиваться, что трехлетняя физиотерапия, массаж и гимнастика не дали никакого результата. Нужна срочная и сложная операция, каких у нас не делают! Мы поехали в Новосибирск, и профессор Михайловский сказал, что девочку можно избавить от уродства и болей, если не упустим время. Но с наших заработков не оплатишь имплантат, без которого операция невозможна. Я товаровед, муж пенсионер МВД, у обоих по 7 тыс. руб. Младшей дочери Даше 9 лет, Ксюше даже инвалидность не оформляют. Она умница, талант: учится в физматлицее и худшколе, на выставке в Японии ее работы заняли 1-е место в Азиатском регионе. Умоляю, помогите вернуть нашу девочку к полноценной жизни! *Елена Иванова, Бурятия*

Заведующий клиникой Новосибирского НИИТО Михаил Михайловский: «У Ивановой тяжелая врожденная прогрессирующая деформация, однозначно требуется операция. Чем раньше, тем лучше».

Андрей Долгих, 22 года, опекун многодетной семьи, требуются материалы на ремонт квартиры и ванна. 112 600 руб.

В нашей семье четверо детей. Семь лет назад умер отец, а прошлым летом умерла мама. Я сразу решил, что не отдам младших в детдом, буду о них заботиться сам. И мне разрешили оформить опеку! Работаю грузчиком, получаю 9 тыс. руб. Сестры учатся в школе. Я хочу, чтобы они обязательно ее закончили и приобрели хорошие профессии. А брат Миша — инвалид, у него ДЦП. Сейчас ему делают операцию на ногах, чтобы мог сам ходить. Пока он передвигается на костылях. В последние годы, когда мама болела, все деньги уходили на лекарства, не на что было покупать что-нибудь в дом. Квартира пришла в плохое состояние. Я хочу сделать ремонт, чтобы мы жили в нормальных условиях. Но когда подсчитал, сколько денег нужно на ванну, обои, линолеум, краски, упал духом. Решил просить вас о помощи. Ремонт мы сделаем сами, мы все умеем. Будем вам очень благодарны. *Андрей Долгих, Ленинградская область*

Специалист районного отдела опеки Елена Ширшова (Ленинградская область): «Андрей очень ответственный и заботится о младших. Поэтому мы не возражали, когда он решил стать опекуном. Конечно, денег не хватает, и если есть возможность, им нужно помочь».

Юля Акулова, 14 лет, синдром Вольфа-Паркинсона-Уайта, тахикардия, жизненно необходима операция. 191 770 руб.

Внимание! Фонд «Русский дар жизни» (США) внес $2500 (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 125 696 руб.

Три года назад Юля стала приходить из школы с головной болью и тяжелым сердцебиением. Диагноз страшный: синдром Вольфа-Паркинсона-Уайта (WPW), пароксизмальная тахикардия. Назначили лечение, но боли в груди не прекращались. Мы жили в Барнауле и там в кардиоцентре сказали: все пройдет. Но мы поехали на консультацию в Новосибирск и выяснили: у Юли серьезнейшая болезнь и помочь могут лишь в Томском кардиоцентре. Теперь в Томске предстоит спасительная операция, но она стоит больших денег. А мы с мужем оба потеряли работу. На предприятии, где муж был менеджером, сменилось руководство, и его уволили, и меня вынудили уволиться из магазина. В инвалидности Юле отказали, а на одни лекарства идет 2 тыс. руб. в месяц. Юля умница, сама изучает английский язык, будет защищать честь школы на олимпиаде. Но сейчас у Юли истерика от болей. Пожалуйста, помогите! *Татьяна Акулова, Томская область*

Ведущий научный сотрудник Томского НИИ кардиологии РАМН Игорь Ковалев: «Метод радиочастотной аблации дополнительных предсердно-желудочковых соединений при синдроме WPW является единственным средством, которое поможет вернуть здоровье девочке. Это операция по жизненным показаниям».

Реквизиты авторов и поставщиков услуг есть в фонде.

Поле Глушковой опять крупно повезло

У пятилетней Поли Глушковой будет лучший протез, который станет расти вместе с ней. Мы рассказали об этой девочке из Хакасии в „Ъ“ 2 марта. У Поли остеосаркома левой бедренной кости. Но девочке крупно повезло: процесс идет только в тазобедренной кости, это большой плюс — нет метастазов. Сейчас, после третьего курса химиотерапии опухоль спала, и Поле крупно повезло еще раз: читатели „Ъ“ и сайта www.rusfond.ru собрали ей всю сумму на американский протез (1,08 млн руб.). Месяц уйдет на его изготовление, за это время Поля получит четвертый курс «химии», затем — операция.

Еще одна отличная новость: 7 марта томичка Катя Михайлова (см. „Ъ“ от 9 февраля) в сопровождении мамы и двух врачей

АЛЕКСЕЙ КУДЕНКО

Протез, который читатели оплатили для Поли, будет расти вместе с ней

Томского кардиоцентра прибыла в госпиталь города Бергамо (Италия). Напомню, у 15-летней Кати рестриктивная кардиомиопатия, спасти ее может только пересадка донорского сердца. После обследования консилиум врачей принял решение оставить Катю в госпитале и готовить к трансплантации. Наша девочка внесена в лист ожидания, у нее третья отрицательная группа крови, и по этому показателю ее очередь первая.

То есть пока все складывается как нельзя удачно. Напомню, наши читатели собрали €46 тыс. на обследования, трансплантацию и на 78-дневное пребывание Кати в Италии. Однако в случае успеха операции девочке с мамой предстоит находиться при клинике в целом до года. Как утверждают итальянцы, это обойдется еще примерно в €40 тыс. Так вот, вчера ведущий специалист Томского кардиоцентра Игорь Ковалев, лечащий врач Кати, сообщил в фонд, что администрация Томской области полностью возьмет на себя содержание Михайловых в Италии. Мы будем держать вас в курсе дальнейших событий.

И вот еще новости.

Оплачены: операции по поводу врожденных пороков сердца томичам Регине Нагаевой (2 года, 186 600 руб.) и Ангелине Емельяновой (11 месяцев, 191 196 руб.), Ульяне Князевой (2 месяца, 191 196 руб., Удмуртская обл.), Ульяне Спилищевой (2 месяца, 191 196 руб., Алтайский край), Дамиру Сабирову (12 лет, 543 006 руб., Кемеровская обл.), Ринату Насырову (2 года, 191 196 руб., Якутия), алтайским сиротам на 573 588 руб. Сереже Макшиеву (12 лет), Саше Свахину (2 года) и Степе Гамаюнову (3 года); операции по поводу сколиоза новосибирцу Вите Куначеву (17 лет, 185 384 руб.), Юле Шаматовой (13 лет, 239 940 руб., Нижегородская обл.) и Дарье Шмигириловой (15 лет, Томская обл.); лечение детского церебрального паралича Славе Степанову (3 года, 144 600 руб., Иркутская обл.) и Никите Юликову (2 года, 143 100 руб., Ярославская обл.); челюстно-лицевые операции Насте Гитлиной (11 лет, 135 920 руб., Ленинградская обл.), Кириллу Васильеву (6 лет, 80 тыс. руб., Башкирия) и Сереже Горбунову (11 лет, 120 тыс. руб., Красноярский край); операция по поводу недоразвития лучевой кости и левой кисти Ильясу Джалимову (5 лет, 119 321 руб., Пензенская обл.); лечение энцефалопатии Сергея Пушкова (10 лет, 156 000 руб., Пермская обл.).

Отправлено: 962 620 руб. на эндопротезирование и курсы химиотерапии Ане Костыговой (13 лет, Ленинградская обл.).

Помогли: благотворительный фонд «Русский дар жизни», Общество помощи русским детям (оба — США), Виктория от руководителя, Андрей ООО «Астек», Алексей и Анна, Кирилл, Евгения, (все — Санкт-Петербург), Сергей (Волгоград), Равиль (Тольятти), Алексей (Нижний Новгород), Марина (Красноярск), семья Пименовых (г. Калуга), Солонины (Иваново), ОСАО «Ингосстрах», ЗАО «АКБ „Русь-банк“», ООО Банк «Народный кредит», Андрей раб Божий, Мария ООО «Вектра», Ю.А., Андрей, Ринат, Филипп, Ринальд, Илья, Григорий Шалвович, Игорь Александрович, Марина, Владимир, две Ирины, Евгений, Вениамин, Павел, Марина Владимировна, Любовь, Александра от руководителя, Айрат Фердинандович, Вячеслав, Дмитрий Евгеньевич, Юлия, два Николая, три Ольги, Михаил Сергеевич, Юрий, Анна, два Дмитрия, Екатерина, два Александра, Лилия, Леонид, Елена, Антон, Ева и Михаил, Наталья, Иван Евгеньевич, Жанна, два Алексея, две Татьяны, Николай, Мария, Максим Николаевич, Айжана, Илья, Мария Владимировна, Олег, Максим, Андрей Валерьевич, Валентин Иванович, Всеволод Юрьевич, Марина Рафаиловна, Вячеслав Трофимович (все — Москва).

Спасибо!

Лев Амбиндер

ДЛЯ ТЕХ, КТО ВПЕРВЫЕ ЗНАКОМИТСЯ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма с помощью местной власти, мы публикуем их в „Ъ“ и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты авторов и дальше действуете сами. Деньги через нас не ходят. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затея понравилась: всего собрано свыше $14,93 млн. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зыряновская» (Кузбасс), 57 семьям сгоревших самарских милиционеров, 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Волгодонске, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста», 39 семьям погибших 6 февраля 2004 года в московском метро, 100 семьям пострадавших в Беслане. Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник».

Адрес фонда: 125252 г. Москва, а/я 50;
www.rusfond.ru; e-mail: rfp@kommersant.ru.
Телефоны: (495) 943-91-35, 158-69-04 с 10.00 до 21.00.

Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».